

**РОМАН «АМУРСКИЕ ВОЛКИ»
КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
Постановка проблемы¹**

Как известно, заслуживающая внимание художественная проза в Приамурье появилась лишь в начале 1900-х годов. Самой большой популярностью у амурских читателей начала XX века пользовался «коллективный роман из жизни Приамурья» (так гласил подзаголовок) «Амурские волки», в создании которого ключевую роль сыграл скандально известный журналист и издатель А. И. Матюшенский (А. Седой) – единоличный автор ещё нескольких подобных произведений на местном материале.

Достоверных биографических сведений о начальном периоде его жизни не очень много. Известно, что Александр Иванович Матюшенский родился в 1862 году в селе Александров-Гай Саратовской губернии в семье священника. Образование получил в Саратовской духовной семинарии. О. Ф. Федотова, ссылаясь на сведения, почерпнутые ею у дочери Матюшенского от второго брака Ирины Александровны Челышевой (род. в 1913 г.), утверждала, что Александр Иванович «по окончании семинарии в 1882 году <...> в том же году поступил в Петербургский университет»², а спустя какое-то время (точная дата биографом не указывается) его «окончил»³, что он – «выпускник Петербургского университета»⁴. А. В. Лосев поставил под сомнение университетское образование Матюшенского: имея таковое, размышлял он, тот вряд ли долгие годы тянул бы тяжкую и неблагодарную лямку простого провинциального репортёра⁵. Похоже, университетский диплом – один из многочисленных мифов, неустанным творцом которых был сам Матюшенский.

Не обошлось без мифологизации ещё одно событие в его жизни – тюремное заключение: «В университете Александр Иванович состоял в студенческом обществе помощи бедным студентам. Однажды он разносил по домам афишки-приглашения на благотворительный концерт, засовывая их в ручки дверей. Следом за ним шёл некий человек и закладывал в эти афишки свои прокламации. Матюшенского арестовали. Доказать свою невиновность он, естественно, не мог, и по существующему тогда закону был осуждён на три года тюрьмы (1885 г.)»⁶.

Что называется без вины виноватый... Вызывает ли доверие эта история? Не очень: подобные жалостливые истории, рассчитанные на простаков, есть в запасе почти у каждого заключённого, даже у осуждённых за тяжкие преступления. Но, допустим, мы приняли её на веру (а что остаётся, если никаких документальных подтверждений или надёжных свидетельств нет?). Однако, вот незадача: годом позже тот же самый автор, рассказавший со слов дочери Матюшенского трогательную историю безвинного студента, пострадавшего из-за благородного желания помочь бедным товарищам, без всяких объяснений излагает принципиально иную версию случившегося. По ней выходит, что нашего героя привлекли к судебной ответственности не в 1885, а «в 1882 году»⁷, причём не по недоразумению, не из-за каких-то безобидных афишек-приглашений на благотворительный вечер, а «по обвинению в причастности к убийству Александра II»⁸. Вот так поворот! Теперь перед нами не какая-то несчастная жертва судебной ошибки, а подлинный революционер, идейный враг самодержавия, готовый убивать и жертвовать собою ради

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Литературное краеведение: создание фундаментального историко-литературного труда – Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.», проект № 11-04-00087а.

² Федотова О. Ф. Материалы к биографии А. И. Матюшенского // Амурский краевед: Информационный вестник. № 1(10). – Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 1995. С. 1–2.

³ Федотова О. Ф. Бестселлер начала века // Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья. – Благовещенск, 1996. С. 6.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Лосев А. В. Александр Иванович Матюшенский: Poleмические заметки о новоявленном «классике» амурской литературы // Амур: Литературно-художественный альманах. № 6. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 44.

⁶ Федотова О. Ф. Материалы к биографии А. И. Матюшенского // Амурский краевед: Информационный вестник. № 1(10). – Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 1995. С. 2.

⁷ То есть, выходит, сразу после окончания семинарии? А когда же он успел окончить университет? Впрочем, если арест состоялся и в 1885-м (более правдоподобная дата), вопрос этот тоже остаётся.

⁸ Федотова О. Ф. Бестселлер начала века // Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья. – Благовещенск, 1996. С. 6.

освобождения страны от оков царизма... Очевидно, этот впечатляющий миф был рождён Александром Ивановичем после 1917 года, когда имидж борца с самодержавием и одновременно его жертвы мог приносить неплохие дивиденды. И когда за давностью лет и на расстоянии семи тысяч вёрст от Саратова выяснить подлинные обстоятельства ареста было уже почти невозможно.

Сколько же их было – легенд и мифов, если в них запуталась даже дочь мнимого царевубийцы?! Из всего сказанного выше напрашивается вывод: к свидетельствам Матюшенского следует относиться с большой осторожностью. Тем более что в них много путаницы и невнятицы, не исключено, намеренных.

Да, кстати, где, в какой тюрьме, с кем, как долго – в течение всего ли трёхлетнего срока он сидел, почему Матюшенский, его дочь и его биографы умалчивают об этом? Почему он позже не поддерживал отношений со своими товарищами по неволе, никогда не рассказывал о них? Впрочем, и про узника царских тюрем Матюшенского тоже почему-то никто из подлинных сидельцев не упоминает в мемуарах. Почему тюремный опыт, если он был, не нашёл отражения в творчестве А. Седого, в его публицистике или воспоминаниях? Тем более странно, что после февраля 1917 года сам факт судебного преследования человека в царское время по политическим основаниям превращался для него в своеобразную охранную грамоту. Матюшенский же, которого, как мы знаем, чуть было не расстреляли в начале 1920-х годов как «контрреволюционера», казалось бы, как никто другой нуждался в такой «грамоте». Однако о своём тюремном прошлом, тем более о причастности к убийству царя, почему-то не заикался... Характерная деталь: А. В. Лосев, изучавший связанные с Матюшенским архивные материалы, о тюремном заключении Александра Ивановича не упоминает даже вскользь.

В середине 1880-х Матюшенский, по его словам, «пошёл в народ», три года провёл в странствиях по Оренбургской губернии и Западной Сибири, «работал, как чернорабочий, и на крестьянских полях, и в шахтах золотых приисков, и на полотне железной дороги, и на крупчатной мельнице, и на пристанях Волги при нагрузке судов, точил веретена, шил сапоги, строил глинобитные крестьянские избы, учил грамоте крестьянских ребятишек»⁹. В общем, довольно типичная история: в эпоху широкого распространения народнических идей и идеалов на такие, в значительной степени мифологизированные, биографии существовал большой спрос. Удостовериться же, насколько соответствуют реальности эти сведения, практически невозможно, ибо Александр Иванович, упоминая в «Исповеди» о своей извилистой жизненной тропе, как правило, предельно скуп на точные пространственные и временные координаты.

Теперь о фактах, не вызывающих сомнений: в 1891 году Матюшенский женился на дочери саратовского помещика Вере Владимировне Воронцовой, от которой у него было трое детей: дочь Евстолия (1894), сыновья Владимир (1896) и Виктор (1904)¹⁰.

В 90-е он с головой ушёл в журналистику, в качестве репортёра работал в газетах Самары, Екатеринбурга, Ирбита, Одессы, Кишинёва, Владикавказа, Тифлиса, Баку, Москвы... Сами эти перемещения, напоминающие лихорадочные метания, свидетельствуют: отношения Матюшенского – и личные, и особенно профессиональные – с коллегами складывались непросто, нередко перерастая в острую неприязнь¹¹, что в конечном итоге приводило к необходимости менять газету или даже место жительства.

В ноябре 1904 года Александр Иванович перебрался в Петербург и почти сразу же стал сотрудником одной из самых известных столичных газет либерального направления «Сын Отечества» (после закрытия, с 7 декабря 1904 года – «Наши дни»). Невероятный взлёт провинциального журналиста, имевшего весьма сомнительную репутацию в среде газетчиков! Но вскоре произойдёт нечто ещё более удивительное – вчера ещё безвестный репортёр окажется в

⁹ Матюшенский А. И. Гапон и мой Антихрист (Повесть моего безумия). – Благовещенск: Типография «Благовещенское утро», 1917. С. 35.

¹⁰ Федотова О. Ф. Материалы к биографии А. И. Матюшенского // Амурский краевед: Информационный вестник. № 1(10). – Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 1995. С. 3.

¹¹ Характерный пример такого рода приводит А. В. Лосев. Он, в частности, цитирует письма раннего Горького, адресованные его невесте (в будущем жене) Е. П. Волжиной, в которых Алексей Максимович всякий раз с большим негодованием отзывался о Матюшенском: «Я пока не решил ещё, писать ли мне в “С(амарскую) г(азету)” – по всей вероятности не буду, ибо не хочу работать рядом с этим болваном, который пишет идиотские “Очерки”» (23–24 мая 1896 г.); «Матюшенский пишет пошло...» (27 мая 1896 г.); «Просто сердце заноеет, когда возьмёшь её [«Самарскую газету»] в руки – полтора года труда я убил на неё, и во что её обратили! Срам! Матюшенского надо выгнать...» (20 июня 1896 г.). Цит. по: Лосев А. В. Александр Иванович Матюшенский: Полемические заметки о новоявленном «классике» амурской литературы // Амур: Литературно-художественный альманах. № 6. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 40, 42.

эпицентре потрясших страну событий. Накануне ставшего детонатором первой русской революции «кровавого воскресенья» он познакомился и тесно сошёлся со священником Георгием Гапоном, принял участие в деятельности гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга». Как утверждал сам Матюшенский в «Исповеди» (напечатана в начале 1906 года за границей, а в 1917-м вышла отдельным изданием в Благовещенске под претенциозным названием «Гапон и мой Антихрист: История моего безумия»), именно он по просьбе Гапона составил петицию царю, с которой 9 января 1905 года десятки тысяч рабочих и членов их семей отправились к Зимнему дворцу и встречены были винтовочными залпами. В той же «Исповеди» он цинично признавался, что писал петицию «в полной уверенности, что она объединит полусознательную массу, поведёт её к царскому дворцу, – и тут, под штыками и пулями <...> эта масса прозреет <...>. Расчёт мой оправдался в точности»¹².

О. Ф. Федотова, опять-таки опираясь на рассказ дочери Александра Ивановича, а также на его довольно путаную «Исповедь», утверждает, что «кровь, пролившаяся на улицах столицы, потрясла Матюшенского», что «в расстреле мирного шествия он видел огромную долю своей вины, безумно мучился всю оставшуюся жизнь...»¹³

Поверить в то, что Матюшенский «безумно мучился» всю оставшуюся жизнь по поводу своего участия в обернувшейся большим кровопролитием провокации трудно, ибо многие факты его биографии, сама его натура, образ жизни, ставшие достоянием гласности поступки не вяжутся с подобными лирическими сентенциями. Не была ли «Исповедь» попыткой отвести от себя возникшие в обществе подозрения и даже прямые обвинения? Очень на то похоже, ведь, по отзывам многих современников, Матюшенский был человеком в политическом отношении беспринципным, в моральном – нечистоплотным. Вызывает много вопросов та лёгкость, с которой безвестному провинциальному репортёру удалось попасть в число сотрудников знаменитой столичной газеты и, кроме того, легко войти в доверие к Гапону и его окружению. А чуть позже стать, по сути, главным посредником (и даже «кассиром») между разгромленной организацией Гапона и царским правительством. Многие современники этих событий были уверены, что Матюшенский в событиях января 1905 года сыграл роль тайного осведомителя и провокатора, действовавшего по указке охранного ведомства¹⁴.

Впрочем, Матюшенский и не скрывал своей склонности к провокациям. В той же «Исповеди» он, без ложной скромности именно себя, а не Гапона, провозгласив главным идеологом 9-го января, признался, что заранее знал, чем закончится авантюра, что сознательно принёс невинных людей в жертву ради дискредитации царя и в целом самодержавия: «Я толкал женщин и детей на бойню, чтобы вернее достигнуть намеченной цели. Я думал: избиение взрослых мужчин, может быть, ещё перенесут, простят, но женщин – расстрел матерей с грудными младенцами на руках! Нет, этого не простят, не могут простить. Пусть же идут и они! – говорил я себе. – Пусть они умрут, но с ними вместе умрёт и то заблуждение, которое удерживает Россию в цепях рабства, мук и стенаний. <...> И я решил: пусть лучше раз умрут некоторые, чем жить в вечных и непрерывных страданиях всем. Пусть умрут сотни, хотя бы в числе этих сотен были и младенцы, но зато освободятся от цепей рабства миллионы, десятки миллионов. <...> Идите и умрите, кому суждено»¹⁵.

Когда читаешь такие чудовищные откровения, как говорится, кровь в жилах стынет... Но «исповедующийся» прекрасно осознавал: подавляющую часть насквозь революционизированной в те годы российской либеральной и тем более радикальной общественности такой, мягко выражаясь, сомнительный способ борьбы с опостылевшим самодержавием вряд ли сильно смущал. Нужно учитывать ещё одно важное обстоятельство, помогающее понять причину жутковатой откровенности Матюшенского: похоже, что его людоедские признания отчасти были средством отвлечения внимания публики от ещё одной дьявольской, в глазах современников гораздо более компрометирующей Александра Ивановича истории – тайной финансовой сделки с царским правительством, усугубленной банальным воровством...

Вскоре после «кровавого воскресенья» на страницах газет всплыла скандальная история присвоения Матюшенским весьма крупной по тем временам суммы денег – двадцати трёх тысяч

¹² Матюшенский А. И. Гапон и мой Антихрист... С. 35.

¹³ Федотова О. Ф. Бестселлер начала века // Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья. – Благовещенск, 1996. С. 7.

¹⁴ Но, однако, прямых, безусловных доказательств такого сотрудничества, если оно и имело место, никто никогда не приводил.

¹⁵ Матюшенский А. И. Гапон и мой Антихрист... С. 35–36.

из полученных им тридцати, несколькими порциями выданных под расписку недавнему мелкому репортёру министром торговли и промышленности В. И. Тимирязевым по распоряжению самого председателя правительства С. Ю. Витте! Деньги эти якобы предназначались на нужды разгромленной гапоновской организации, но Матюшенский, припёртый к стенке, оправдывался в «Исповеди», что гапоновцам де принадлежала лишь малая часть этой суммы – семь тысяч. А остальное, дескать, было выделено царским правительством лично ему (человеку, по его собственному признанию, безусловно разделявшему в то время революционные убеждения) «на организацию пропаганды против революции»¹⁶... Убеждённый революционер, смертельный враг царизма берёт у царского же правительства деньги на масштабную пропаганду против революции!?

Можно ли поверить в то, что члены царского правительства и даже сам премьер столь неразборчивы и не информированы, что могли принимать у себя человека, причастного к убийству царя, сидевшего в тюрьме по политическим статьям и выдавать ему (мелкому газетному репортёру!) крупные суммы на ведение антиреволюционной пропаганды? Бред какой-то... История совершенно невероятная, тёмная, мутная, показывающая, что роль Матюшенского во всех этих делах была крайне неблагоприятной и весьма и весьма подозрительной. Какие уж тут «безумные мучения»!

У людей, которые лично знали Матюшенского, слова про его «безумные мучения» вызвали бы, наверное, гомерический хохот. Вот, например, как отреагировал на «Исповедь» Матюшенского хорошо знавший его по совместной работе в Самаре в 1895–1896 годах Горький. В письме, написанном в середине июня 1906 года из Нью-Йорка и адресованном А. В. Амфитеатрову – редактору выходившего в Париже журнала «Красное знамя», в котором и была напечатана «Исповедь»¹⁷, Алексей Максимович, в частности, писал: «Матюшенского я знаю, работал вместе с ним в “Самарской газете”. Это – неудачный псаломщик, гнилая душа, длинный и жадный желудок. Такие люди воспринимают жизнь брюхом, и в мозгу у них – всегда есть какая-то вонючая, серая слизь. Эти люди органически чужды правде, и всё для них – зеркало, в котором они видят свои зубы, постоянно голодные. <...> Вы гоните прочь Матюш[енского], а то он напакостит вам»¹⁸.

Упомянем ещё один факт биографии, дающий представление об исповедуемых Александром Ивановичем «высоких» моральных принципах: выпускник духовной семинарии, при живой жене с тремя детьми, младшему из которых не было и двух лет, вступил в гражданский брак с Ниной Васильевной Бурдиной – «акушеркой-массажисткой» из Петербурга. Это произошло в 1906-м.

А в мае 1910 года Матюшенский переехал в далёкий Благовещенск, где, как он полагал, удастся отсидеться до поры в тени. Свою фамилию он первое время не афишировал, скрывал (а в 1906–1907 гг., до того как его разоблачила полиция Москвы, жил по фальшивому паспорту, выписанному на Бурдина Александра Ивановича, – то есть укрывшись за фамилией своей гражданской жены). «Конспирация» понадобилась потому, что, несмотря на пять прошедших с «кровавого воскресенья» лет, подлинная его фамилия была слишком памятной для российской общественности, слишком густой шлейф скандальных разоблачений тянулся за ней.

В Благовещенске Матюшенский вначале сотрудничал с газетой «Амурский листок», подписывая свои материалы псевдонимами *А. И. Седой*, *А. Иванович*, *Изгой*. Позже он стал издавать (уж не на те ли – прикарманенные правительственные двадцать три тысячи?) собственные газеты «откровенно бульварного толка» (А. Лосев) – «Амурский пионер» (1911–1912) и «Благовещенское утро» (1912–1917)¹⁹. Именно на их страницах в 1912 году увидел свет *коллективный роман* «Амурские волки», принесший Матюшенскому литературную известность и,

¹⁶ Там же. С. 56.

¹⁷ Красное знамя. 1906. № 2. Излияния сподвижника попа Гапона в журнале давались под редакционным заголовком «За кулисами гапоновщины. Исповедь А. И. Матюшенского». Статья сопровождалась редакционным предисловием, в котором Амфитеатров писал: «Прочитав “Исповедь” г. Матюшенского, я пришёл к убеждению, что единственным, сколько-нибудь полезным, хотя и жестоким для него исходом дела может быть широкое оглашение его покаянных строк, столь выразительно живописующих неблагоприятные глубины того общественного обмана, который более года владел умами русских людей в миражах гапоновщины».

¹⁸ Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. – М.: Наука, 1988.

¹⁹ Кстати, официальным редактором-издателем газеты «Амурский пионер» числилась гражданская жена Александра Ивановича – факт, заставляющий ещё в большей степени усомниться в чистоте финансовой подоплёки предприятия.

что немаловажно, определённый доход. В том же году роман был выпущен отдельной книгой, а затем в течение короткого времени дважды переиздан – в 1913 и 1914 гг.

Роман «Амурские волки» весьма объёмен – включает в себя 105 глав! При публикации в газетах «Амурский пионер» (№№ 12–131, февраль-июнь) и «Благовещенское утро» (№№ 1–22, июнь-июль) главы имели подписи-псевдонимы: *А. Седой, Фантом, Монгол, Юлия Михай, Кэтти, Крапива, Коляда, Н. Тульчин...* По мнению известного амурского учёного-краеведа Г. С. Новикова-Даурского (1881–1962), авторство «Амурских волков» принадлежало нескольким сотрудникам благовещенских газет, в том числе Н. З. Перминову (в будущем, в 1918–1920 гг., – городской голова) и К. К. Куртееву, а роль Матюшенского сводилась, в основном, к редактированию текста. Никаких аргументов в пользу столь оригинальной версии краевед не привёл, уже одно это даёт основание поставить её под сомнение.

Совершенно очевидно, что авторов произведения следует искать среди сотрудников газет «Амурский пионер» и «Благовещенское утро», на страницах которых и печатались «Амурские волки». В этой связи по меньшей мере странным выглядит в предлагаемом Новиковым-Даурским перечне возможных авторов имя Константина Константиновича Куртеева (1853–1918) – известного в Благовещенске журналиста. Дело в том, что «Амурские волки», как уже отмечалось, создавались и печатались в 1912 году, а К. К. Куртеев в это время был редактором газеты «Благовещенск», издававшейся на деньги купцов-молокан, что почти наверняка исключает его из числа претендентов на авторство – по причинам и физическим, и мировоззренческим. Да и близких отношений с Матюшенским у него никогда не было. К тому же нам известны псевдонимы, под которыми он публиковал свои материалы в благовещенских газетах. Ни один из них (*Курт, Кур*) не встречается под главами «Амурских волков».

Кроме того, совершенно неправдоподобным выглядит утверждение Новикова-Даурского, что главный претендент на роль автора «коллективного романа» А. И. Матюшенский ограничивался якобы лишь ролью редактора написанных другими журналистами глав. Это опровергается и тем, что под подавляющим большинством глав стоит псевдоним *А. Седой*, которым Матюшенский подписывал многие другие свои статьи и произведения. В том числе, романы «Фальшивые сторублёвки» и «Взаимный банк»²⁰, а также книгу очерков «Благовещенские силуэты». Первые две книги, кстати, имеют почти такой же подзаголовок, что и «Амурские волки» – «роман из местной жизни», а это тоже является косвенным свидетельством того, что в создании «коллективного романа» Матюшенский играл роль не только редактора, но и основного автора. Да и по стилю и содержанию названные произведения «из местной жизни» очень близки «Амурским волкам». Ещё одно важное обстоятельство – псевдоним *Фантом*, который стоит под несколькими главами «коллективного романа», также принадлежит Матюшенскому. Под ним он напечатал книжку «Как я сделался богатым». Псевдонимом *Монгол* Матюшенский подписывал некоторые свои материалы в газетах «Амурский пионер» и «Благовещенское утро». Оба эти псевдонима – *Фантом* и *Монгол* – использовались Матюшенским и до приезда в Благовещенск.

Как предположил А. В. Лосев, помимо Матюшенского, написавшего львиную долю глав «коллективного романа», в создании произведения приняли участие Н. В. Колодезников и Е. А. Михайлова, сотрудничавшие с газетами, которые издавал А. Седой.

Что нам сегодня известно об этих претендентах на авторство «Амурских волков»?

Колодезников Николай Васильевич – до ноября 1910 года сотрудник газеты «Амурский листок», из которой он вынужден был уйти из-за обвинений, что в хроникёрских заметках систематически искажал истину (интересная деталь, косвенно дающая представление о том, насколько точно роман «Амурские волки» отражал реальность!). В 1910–1911 гг. Колодезников трудился в газете «Волна», а в 1912-м, когда в «Амурском пионере» и затем в «Благовещенском утре» печатался роман «Амурские волки», он сотрудничал именно с газетами Матюшенского. Псевдоним *Коляда*, который стоит под несколькими главами «коллективного романа» – это псевдоним именно Колодезникова, им он подписывал и некоторые другие свои материалы.

Михайлова Екатерина Афанасьевна – из мещан Благовещенска, по основной профессии учительница. В 1911–1912 гг. тоже печаталась в газетах «Амурский пионер» и «Благовещенское утро»: стихи обычно за подписью *Михай* или *Юлия Михай*, а прозаические опыты, очерки – под именем *Крапива, Кэтти*. Нелишне напомнить, что псевдонимами *Крапива, Кэтти* и *Юлия Михай* были подписаны некоторые из глав газетной версии «Амурских волков».

²⁰ *Седой А. (Матюшенский А. И.) Фальшивые сторублёвки: Роман из местной жизни.* – Благовещенск: Изд-во газеты «Благовещенское утро», 1913; *Седой А. (Матюшенский А. И.) Взаимный банк: Роман из местной жизни.* Ч. 1. – Благовещенск: Изд-во газеты «Благовещенское утро», 1916.

Таким образом, можно констатировать, что, по крайней мере, большая часть авторов «коллективного романа» нам известна. Это были (за исключением Матюшенского) вполне заурядные провинциальные журналисты, известность которых не простиралась дальше Благовещенска.

В советское время «коллективный роман» в полном объёме не переиздавался. Лишь в альманахе «Приамурье» в 1956 году были опубликованы несколько глав из него с кратким предисловием Г. С. Новикова-Даурского – в то время научного сотрудника Амурского областного краеведческого музея²¹. По всей видимости, именно по его инициативе «Приамурье» и взялось за перепечатку избранных глав скандального произведения. По какому источнику – газетному или книжному, неизвестно. Скорее всего, по книжному (об этом можно судить хотя бы по отсутствию псевдонимов под главами); остаётся выяснить, где он был найден, почему не сохранился в фондах краеведческого музея или же в личном архиве Новикова-Даурского. Стоит напомнить, что на данный момент в Амурской области не зафиксировано ни единого экземпляра этой книги (имеются в виду отдельные издания 1912–1914 годов).

Автор предисловия признаёт, что роман не отличается высоким художественным уровнем. Ценность «Амурских волков», по мнению Новикова-Даурского, состояла в другом – в том, что они якобы «довольно правдиво показывают мораль и нравы дальневосточной буржуазии начала XX века, разоблачают звериную сущность известных амурских воротил <...>, наживших громадные капиталы путём обмана, воровства и кровавых преступлений»²².

Понятно, что этот вывод не вытекал из реальных сведений, основанных на документах, свидетельских показаниях, неоспоримых фактах, судебных решениях, а был продиктован политической конъюнктурой, сложившейся в советское время исторической мифологией, общим отношением к свергнутому в октябре 1917 года эксплуататорским классам. То есть перед нами типичный образец пресловутого классового подхода к историческим и художественным явлениям. Остаётся вопрос, была ли позиция Новикова-Даурского вынужденной или же она полностью отвечала его убеждениям? В любом случае, подобный взгляд на роман «Амурские волки» не отражал подлинного его объёмного содержания, не выражал сути воплощённой в нём концепции русской действительности предреволюционного времени и представлений авторского коллектива о сущности человеческой природы. Возможно, такой уводящий от истины, но идеологически выверенный комментарий учёному-краеведу пришлось составить, чтобы провести в печать хотя бы отдельные главы произведения, в начале XX века вызвавшего большой ажиотаж в провинциальном Благовещенске. Кстати, в этой связи можно сделать ещё одно предположение: возможно, версия Григория Степановича о том, что Матюшенский лишь редактировал написанный другими авторами роман – нехитрый приём, позволяющий редакторам альманаха «Приамурье» избежать обвинений в публикации произведения, ведущую роль в создании которого сыграл соратник демонизированного в советское время попа Гапона, а в послереволюционное время – «контрреволюционер», в 1923 году сбежавший из Советской России в Харбин.

Доподлинно неизвестно, чем руководствовался Новиков-Даурский, составляя предисловие, но результат очевиден: вольно или невольно краевед дал искажённую картину, представив авторов «коллективного романа» как принципиальных противников буржуазного строя, как бесстрашных обличителей язв капитализма, то есть чуть ли не как идейных союзников большевиков.

Удивительное дело: буквально до наших дней эта односторонняя, крайне узкая точка зрения, лишь в малой степени соответствующая реальному содержанию книги, практически не подвергалась сомнению. Её на разные лады повторяли амурские журналисты, так или иначе касавшиеся личности и творчества Матюшенского (в том числе А. А. Воронков), в первоизданном виде её воспроизводит Ольга Федотова в трёх статьях о Матюшенском²³. А. В. Лосев тоже писал, что роман «построен на сенсационных “разоблачениях” местных буржуазных воротил (в романе

²¹ Амурские волки: Главы из романа // Приамурье: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. № 5. – Благовещенск, 1956. С. 120–136. В подборку вошли шесть глав: «Контрабандисты», «Неожиданная встреча и разочарование», «Ранний гость», «На различных ступенях», «Волчье совещание», «Волк на волка», то есть с первой по третью, а также пятая, восьмая и десятая. В конце подборки редакция «Приамурья» обещала читателям «Продолжение в следующем номере», но обещание не выполнила. О причинах остаётся лишь гадать.

²² Там же. С. 120.

²³ Материалы к биографии А. И. Матюшенского // Амурский краевед: Информационный вестник. № 1 (10). – Благовещенск: Амурской областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 1995. С. 1–7; Матюшенский: Бандит пера или гуманист? // Благовещенск. 1996. № 37 (346). 13 сентября; Бестселлер начала века // Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья. – Благовещенск, 1996. С. 5–13.

они выступают под несколько изменёнными фамилиями), наживавших громадные состояния на спекуляции золотом, на грабежах и убийствах»²⁴. Нужно ли говорить, что никакой доказательной базы под этими утверждениями нет, никаких ссылок на исторические источники, документы или хотя бы газетные публикации-разоблачения (хотя, как мы понимаем, нередко цена им – грош) нет и в помине. Не было и доказательств, что цель и смысл *коллективного романа* – именно разоблачение буржуазных дельцов Приамурья.

Ещё одно важное обстоятельство: ни у Новикова-Даурского, ни у Федотовой нет и намёка на анализ произведения, нет не только развёрнутой его характеристики, но даже и просто обращения к содержанию, проблематике, сюжету, сценам, образам, вообще к тексту книги. Нет даже ни одной прямой или косвенной цитаты! С момента создания «коллективного романа» и вплоть до сегодняшнего дня не было сделано ни единой серьёзной попытки критически прочесть его, прокомментировать, попытаться понять его внутреннюю логику и специфику, социально-политические и эстетические причины его появления, не было попыток поставить его в тот или иной типологический ряд, попытаться соотнести с общероссийскими явлениями подобного рода. Кому это было по силам?

Безусловно, А. В. Лосеву, работавшему в 1990-е годы над большим очерком о Матюшенском²⁵. Но, к сожалению, в этой своей незаконченной работе он почти не касается произведения, в создании которого главную роль сыграл Александр Иванович. Причина проста – брезгливость, которую испытывал Анатолий Васильевич и к личности соратника попа Гапона²⁶, и к его «творчеству». И это *коллективное* произведение, и авторские романы Матюшенского «Фальшивые сторублёвки» и «Взаимный банк», в которых тоже изображаются местные амурские дельцы, занимающиеся всякого рода тёмными махинациями, А. В. Лосев назвал яркими образцами «низкопробной бульварщины», «бульварным чтивом». Что касается романа «Амурские волки», основатель литературного краеведения Приамурья заметил, что скандальные разоблачения в нём имеют спекулятивный, сугубо коммерческий характер и продиктованы не благородным желанием вскрыть общественные язвы, показать подлинную, скрываемую властью правду, а банальным стремлением «привлечь к роману внимание мещанско-обывательской публики», «в конечном счёте, для увеличения числа подписчиков газеты»²⁷.

Если бы не обстоятельства, о которых будет сказано чуть ниже, Анатолий Васильевич, судя по всему, вряд ли вообще стал бы писать о Матюшенском, в том числе и о его участии в создании «коллективного романа».

Замысел очерка о Седом возник у Лосева после перепечатки в газете «Благовещенск» (1996, №№ 38–52; 1997, № 3) книжки Матюшенского «Половой рынок и половые отношения» (1908), сопровождаённой хвалебным предисловием старшего научного сотрудника областного краеведческого музея Ольги Федотовой (Благовещенск. 1996. № 37. 13 сентября). Статья Лосева, видимо, предназначалась для публикации в одной из благовещенских газет (Анатолий Васильевич был постоянным автором «Амурской правды») и по первоначальному замыслу должна была носить полемический характер. Собственно начальные страницы его рукописных заметок и являются тому подтверждением. Однако в процессе работы замысел начал существенно трансформироваться. На каком-то этапе работы учёный-исследователь стал побеждать страстного

²⁴ Лосев А. Приамурье в художественной литературе: Аннотированный указатель. – Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1963. С. 20.

²⁵ Лосев А. В. Александр Иванович Матюшенский: Полемические заметки о новоявленном «классике» амурской литературы / Публикация и комментарий А. В. Урманова // Амур: Литературно-художественный альманах. № 6. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 39–60.

²⁶ Нелишне сказать, что позже, в 1917 году, в предисловии к отдельному изданию «Исповеди» Матюшенский решительно отрёкся от Гапона, сказал, что был его «врагом». Но если уже накануне кровавых январских событий 1905 года он считал Георгия Аполлоновича врагом, то почему ничего не сделал, чтобы сорвать его авантюристические планы, почему послушно написал заказанную им петицию, почему, наконец, выполняя его поручения, вступал в тайные сношения с правительством? Ответами на такие резонно возникающие у читателя вопросы Матюшенский не утруждал себя, он, по всей видимости, обычно говорил то, что выгодно ему в данный момент, не особенно задумываясь, что сказанное в разное время может не совпадать. Кстати, ещё один штрих, свидетельствующий о «кристальной честности» нашего героя: хотя в упомянутом предисловии он написал, что печатает «Исповедь» «в том же виде, в каком она написана в 1906 году» (*Матюшенский А. И. Гапон и мой Антихрист... С. 1*), это не так: отдельное издание подверглось авторской правке, в некоторых фрагментах весьма существенной. Зачем же тогда было вводить читателей в заблуждение? Видимо, Матюшенский рассчитывал, что вряд ли кто станет проводить сравнительный анализ двух редакций, что вышедший в 1906 году в Париже мизерным тиражом номер журнала «Красное знамя» с «Исповедью» едва ли у кого сохранился. Тем более в Благовещенске, где вышло в свет отдельное издание.

²⁷ Лосев А. Приамурье в художественной литературе: Аннотированный указатель. – Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1963. С. 20.

публициста, и автор повёл своё повествование в более привычной для него, литературоведа, академической научной манере. Полемические, часто язвительные выпады по адресу современных реабилитаторов Матюшенского и их идейных вдохновителей постепенно стали уходить на второй план, а на первый вышли сугубо научные задачи. Опираясь на факты и документы (прежде всего архивные), автор стал кропотливо восстанавливать, реконструировать, стремясь к возможной полноте и исторической точности, малоизвестные страницы биографии А. Седого, а также страницы культурной жизни Приамурья начала XX века. Исследователя не заинтересовало художественное творчество Матюшенского, он ограничился лишь констатацией «коммерческого» характера издательского проекта фактического редактора-издателя «Амурского пионера» и «Благовещенского утра», а также квалификацией «коллективного романа» как низкопробной бульварной беллетристики. Попыток основательного осмысления данного литературного феномена Анатолий Васильевич не предпринимал. Это был его сознательный выбор, а о причинах сказано выше.

Что касается оценок романа «Амурские волки» О. Ф. Федотовой, то следует напомнить, что они были сделаны в «лихие 90-е», которые пробудили у части читателей ажиотажный интерес к подобному рода литературным явлениям. Эту издательскую конъюнктуру в начале 90-х почувствовала газета «Благовещенск», начавшая републикацию на своих страницах весьма и весьма посредственных произведений Матюшенского, подаваемых как литературная сенсация с оттенком скандальности. Тогда же редакция газеты предприняла попытку переиздать в газетном варианте роман, однако в Благовещенске не удалось отыскать ни одного экземпляра книги, вышедшей, как мы помним, тремя изданиями. Пришлось ограничиться перепечаткой глав, опубликованных в альманахе «Приамурье».

Газета с «Волками» шла нарасхват. Было много читательских звонков с просьбами разыскать роман и напечатать его полностью. Редакция так и поступила – экземпляр «коллективного романа» отыскан в РГБ (бывшая Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина)²⁸. По запросу дирекции Амурского областного краеведческого музея оттуда была прислана копия-микрофильм романа. Нашлись и спонсоры недешёвого издательского проекта – благовещенские предприниматели Э. В. Лисогор и В. А. Золотарёв.

Роман «Амурские волки», иллюстрированный амурским художником Юрием Наконечным, был переиздан в 1996 году десяти тысячным тиражом²⁹. Подготовленная к печати в Благовещенске книга была отпечатана в Новосибирске, в типографии издательства «Советская Сибирь». Говорят, с реализацией проблем не было – роман разошёлся за три месяца, и сейчас он – библиографическая редкость.

Публикации О. Федотовой призваны были вернуть и имя Матюшенского, и его произведения в активный обиход, обосновать общественный и культурный интерес к данному явлению. Об объективной оценке тогда речи не шло. О. Федотова попыталась реабилитировать Матюшенского не только как литератора, но и как личность. Она охарактеризовала его как человека «с обострённым чувством совести, душа которого остро реагирует на боль и страдания других людей»³⁰, писала, что он будто бы имел «благороднейшую цель – утверждение общества добра и справедливости для всего народа», руководствовался «в своих действиях единственно законами нравственности» и т. п.

Можно ли было столь высокие оценки давать человеку с весьма и весьма сомнительной репутацией, который был замешан во множестве скандальных, морально нечистоплотных историй? Точно так же кажутся необоснованными оценки Матюшенского как «незаурядного журналиста и литератора», у которого был «великолепный слог»³¹. Где же и в чём это проявилось? В непереносимо скучных книжках «От воровства к анархизму» и «Половой рынок и половые отношения», в которых, по мнению О. Федотовой, будто бы «максимально выразились его душа, его боль»?³² Или же в «бестселлере начала века» – романе «Амурские волки»? Правда, в последнем случае автор столь возвышенных определений оправдывает Матюшенского тем, что в низком художественном уровне романа виноваты будто бы не А. Седой сотоварищи, а «публика»,

²⁸ Так утверждал А. Каминский – в 1996–1998 гг. главный редактор газеты «Благовещенск».

²⁹ Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья. – Благовещенск, 1996. – 448 с.

³⁰ Федотова О. Ф. Бестселлер начала века // Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья. – Благовещенск, 1996. С. 8.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 10.

которой якобы «в то время нужны были именно “Амурские волки”»³³, – то есть низкопробная бульварная беллетристика.

Да, пожалуй, в этом О. Федотова права: какая-то, и немалая, часть публики, действительно, нуждалась в таком «искусстве». Подтверждение тому – ошеломляющий успех спектакля по роману «Амурские волки», поставленного в марте 1914 года на сцене Благовещенского театра антрепренёром А. М. Долиным. Постановка эта стала главной сенсацией театрального сезона. Из-за беспрецедентного для Благовещенска наплыва зрителей, помимо двух премьерных спектаклей, пьесу показали ещё трижды. Как свидетельствуют газеты того времени, в театр валом валил народ – контрабандисты, сутенёры, проститутки и, что особенно удивительно, купцы-молокане.

Этот интерес читателей и зрителей к роману «Амурские волки» и его сценической версии нуждается в объяснении.

О. Федотова права и в том, что «роман “Амурские волки” следует воспринимать прежде всего как литературный факт, как один из моментов нашей культурной истории, без которой <...> нельзя понять настоящее и предвидеть будущее»³⁴.

Правда, её собственное истолкование произведения не только не приблизило нас к этой цели ни на шаг, но и, скорее всего, увело от неё в сторону.

Тем не менее, статьи Федотовой так или иначе способствовали осознанию необходимости полномасштабного, целостного исследования романа «Амурские волки» как общественного и культурного феномена, весьма и весьма органичного для ситуации кануна первой мировой войны и двух революций, в результате которых русская цивилизация претерпела серьёзные деформации. Очевидно, что только объективный анализ произведения поможет глубже понять причины разрушительных исторических катаклизмов, сотрясавших Россию и в 1910-е, и в 1990-е годы.

³³ Там же.

³⁴ Федотова О. Ф. Бестселлер начала века // Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья. – Благовещенск, 1996. С. 13.